

Рыжее счастье

НАТАЛИЯ РОЩИНА

Annotation

В небольшом поселке живет семья Мары Ленской. Бабушка, отец с матерью, младший брат. Но с внезапной смерти главы семейства все меняется. И перемены вокруг – совсем не к лучшему. У взрослых не стало работы, у детей – возможности продолжать учебу. В свои семнадцать Мара считает, что напрасно появилась на свет. Мать зовет ее рыжей ведьмой. Смерть младшего брата, бабушки, алкоголизм матери, нищета, голод – слабый сломается, сильный пойдет дальше, стремясь все изменить к лучшему. Мара отправляется в незнакомый далекий город в поисках лучшей жизни. Вереница встреч, происходящих с девушкой – ничего случайного. Просто судьба не обделяет ее своим вниманием. Мара словно получает компенсацию за то горе, в котором пришлось жить в родном поселке. Не все так однозначно. Приходится идти на компромисс, но у Мары есть цель – вырваться из паутины серости. Она больше никогда не должна голодать. В конце концов, девушка находит свое место под солнцем, свое счастье с любимым человеком. Не зря говорят: рыжая – счастливая.

Наталия Рощина

Рыжее счастье

Проснувшись ночью, Мара лежала, не открывая глаз. Не самое приятное состояние, когда спать хочется, а сон вдруг куда-то уходит, оставляя тяжесть на веках, слабость в конечностях. Состояние, к которому Мара привыкла. Недосыпание стало нормой ее жизни. По сути, она вообще забыла, что такое нормальный сон. Жизнь складывалась так, что на потребности организма никто не обращал внимания. А сейчас была возможность просто лежать, пусть без сна, но не нужно никуда вскакивать, некуда спешить, можно прислушиваться к равномерному стуку колес и не вздрагивать от каждого шороха, ожидая возвращения матери. Дом остается все дальше. Поезд уносит Мару от опротивевших ей мест, где нет будущего, а настоящее похоже на нескончаемый сон, в котором столько слез, столько боли. Там – одни могилы: отца, бабушки, брата. Кажется, и матери уже недолго осталось. Теперь Мара не будет видеть, как мать превращается в нечто недовольное, вечно пьяное, грубое, выливающее свою злобу на всех и вся. Сколько ей отмеряно такой? Никто не знает, но Мара решила, что ее присутствие ничего не может изменить, а наблюдать агонию больше нет сил.

Вагон размеренно покачивался. Мара взглянула в окно. Там темно, не видно ничего: ни придорожных столбов, ни деревьев, ни домов. Только звезды, да и то не густо, как бывает, а скупые мерцающие точки, пытающиеся заглянуть в окна купе. Слишком тусклый свет идет от них, не под силу ему осветить окружающую темень. Мара попыталась отыскать на небе Большую Медведицу. Это было единственное созвездие, которое она знала и находила без труда. Раньше она любила наблюдать за небом, за тем, как время от времени по нему летит спутник, как падают звезды. Мара усмехнулась – ни разу не успела загадать желание. Всегда держала его в голове наготове, но все равно не успевала произнести ни вслух, ни мысленно. Главное, что желание было такое обыденное, но звезды падали невероятно быстро, не оставляя надежды. И сейчас Маре показалось, что она увидела, как по черной бесконечности промчался огненный хвост. Оставалось надеяться, что хоть кому-то повезет. Кто-то же должен успеть! Мара вглядывалась в темное, бездонное небо, сощуриваясь, словно резкость настраивала. Найти бы хоть Медведицу, но ее в окне не было. Мара недовольно отвернулась. Она снова окунулась в атмосферу душного поезда, окунулась в звуки, которые мешали ей спать. Она слышала все, что происходит вокруг: плач малыша где-то в соседнем купе, громкий смех в другом и громкий храп мужчины с нижней полки. Повернувшись на другой бок, Мара крепче сжала веки, попыталась представить длинную лестницу, ступени которой нужно сосчитать. Из книг она знала, что это один из способов уснуть. Вот первая ступень, вторая... двадцатая... тридцатая. Легко преодолевая их, Мара пыталась отключиться. Ничего не получается. Нет сна, есть только раздраженность и желание поскорее выйти из душного вагона. Может быть, представить что-то приятное, дорогое, милое сердцу? У нее, семнадцатилетней девушки, слишком мало такого. Мало, но есть. Нужно только немного подумать. Ну, конечно, бабушка. О ней у Мары остались самые хорошие воспоминания. Это навсегда, на всю жизнь. Сколько бы ни было ей отмеряно, она никогда не забудет негромких бабушкиных песен, горячих пирогов, задорного смеха и прибауток на все случаи жизни. У нее всегда была наготове фраза, которая все расставляла на места.

– Бабуля, а почему меня так странно назвали? – Мара решилась задать этот вопрос, когда мальчишки в классе совсем задразнили ее. Имя рифмовалось не с самыми лучшими словами и, слушая их в свой адрес, Мара мечтала о другом, менее экзотическом имени, которое бы не выделялось. Она и так рыжая, с веснушками – еще один повод для насмешек. А тут еще это имечко странное. – Бабуля, ну скажи, кто меня так назвал? Мара Михайловна Ленская – кошмар какой-то! Ну почему Мара?! У мамы спрашиваю, так она отмахивается и плакать начинает. Хотя ты скажи.

– Отец назвал, внучка, – после паузы ответила бабушка. Она оставила тесто и оглянулась на Мару. – Мы с матерью решили, что быть тебе Марфой.

– Уж лучше бы Мартой, потому что родилась в марте?

– Может и так. Нам тоже хотелось немного пооригинальничать. Сейчас такие имена забыты и напрасно, – улыбнулась бабушка. – В нашем небольшом поселке это наделало бы много шума. Но когда отец принес метрику, мы его чуть не растерзали. Накинулись в два голоса, а он, знай, улыбается и с такой любовью на тебя смотрит. Говорит, мол, из-за чего шум? Всего-то одну букву выбросил, а как здорово получилось! Фантазер был Миша.

– А я его уже плохо помню, – с грустью сказала Мара. Воспоминания о высоком, широкоплечем мужчине с небесно-голубыми глазами постепенно сходили на нет. Черты лица его уже совсем стерлись из памяти. Немногочисленные фото, которые были в доме, мама порвала в один из дней, когда горе взяло верх над разумом. Она так часто говорила, что он не должен был так рано уходить. Потом Катерина жалела о содеянном, но исправить ничего было нельзя. – Да. Почти не помню. Бабуля, а у отца ведь не было рыжих волос, как у меня? И у мамы они светлые, как пшеница. Откуда же у меня такой огонь на голове и эти веснушки?

– Никто не знает, почему рождаются рыжие детки там, где никогда их в роду не было, – бабушка пожала плечами. – Я не знаю, внучка. Говорят, что это знак свыше. Зачем-то Богу угодно, чтобы была ты приметная, яркая.

– А мне не нравится, – грустно сказала Мара.

– Не грусти, внучка, и Миша всегда говорил, что рыжая – счастливая.

– Мама тоже так иногда говорит.

– Катерина иногда, а Миша никогда в этом не сомневался. Он целовал тебя и называл своим рыжим счастьем, – бабушка вытерла уголком передника набежавшую слезу. – Да, хороший был у меня зять. Царствие ему небесное...

– Значит, рыжее счастье... – задумчиво произнесла Мара.

Это от бабушки Мара узнала, что отец умер от разрыва сердца прямо в кабине комбайна. Ему тогда едва исполнилось тридцать. Поля, которые он так любил, стали последней декорацией его недолгой жизни. Мара ничего не помнила: ни похорон, ни слез матери и бабушки, ни горьких лиц всех, кто знал ее отца и скорбел о его безвременной кончине. Он умер, так и не узнав, что у него должен родиться сын, которого мать назвала Михаилом в его честь. Катерина не желала слушать ничьих вариантов, просто в первый же раз, как увидела, обратилась к нему: «Мишенька». Мара помнила, как бабушка покачала головой и сказала, что плохая это примета – называть в честь умерших, но перечить дочери не стала. Очень хотелось той, чтобы имя любимого было на слуху. Сколько тогда было Маре? Шесть лет. Да, Мише был год, когда она пошла в школу...

Тридцать пять... сорок... пятьдесят. Не получается у Мары уснуть. Много умных, интересных книг, только далеко не все советы из них срабатывают в реальной жизни. Это от

нее Мара пыталась убежать. То, как она встречала новый день в той жизни, было похоже на участие в документальном фильме, снимаемом скрытой камерой, где каждому жителю поселка отмеряно определенное количество кадров. Все снималось отнюдь не для юмористической передачи. Словно какой-то изувер ставил великий эксперимент, пытаясь выяснить предел прочности отчаявшихся, изнемогающих от бессилия людей. Не могло быть, чтобы никто не знал о том, что стало происходить с лишившимися работы жителями небольшого поселка. Сотни людей оказались на грани нищеты. Не могло быть, чтобы так легко вычеркнули, чтобы так запросто о них забыли, оставив выживать по правилам, диктуемым голодом, озлобленностью и безысходностью.

По правде, жизнь Мары никогда не была легкой. Она не помнила себя маленькой. Такой, чтобы с ней сюсюкались, оберегали, лелеяли. Мама работала на птицефабрике, бабушка следила за хозяйством, и одновременно присматривала за Марой, учила ее уму-разуму по своим меркам. Внучка была любимой, но не избалованной. Ей приходилось всегда помогать по дому, хозяйству в то время, как ее сверстники играли на улице в шумные детские забавы. Ее руки всегда были нужны бабушке, маме, а потом, с рождением малыша, она стала добровольной нянькой маленькому Мише. Она так любила возиться с ним, удивляя своей недетской ответственностью мать и бабушку. При этом Мара успевала хорошо учиться, бегать в библиотеку за новой книжкой и переделывать массу домашней работы. Девочка не замечала, как дни сменяли друг друга, делая ее все более взрослой, все более рассудительной. Она мечтала о том времени, когда и у нее, и бабушки, и у мамы станет хоть немного меньше забот. Мара знала, что она вырастет и обязательно сделает все, чтобы облегчить жизнь своим близким. Она уж постарается.

Но вскоре начали происходить вещи, которые не укладывались в ее голове. Сначала не стало пищи духовной – библиотекарь уехала, оставив тяжелый массивный замок на дверях библиотеки. Никто из жителей поселка еще не предполагал, что это начало конца. Мара опечалилась не на шутку, потому что была одной из самых юных и самых активных читательниц. Она ощущала физическую потребность два-три раза в неделю окунаться в мир длинных, заполненных книгами стеллажей, выбирать что-то для себя и спешить домой, предвкушая вечер открытия новых героев, погружения в их приключения.

– Да ладно тебе горевать, внучка, – успокаивала ее бабушка. – Есть только одна книга на все времена – Библия, а она у нас, слава Богу, имеется. Так что тебе будет чем себя занять. Вот взяла бы и «Отче наш» для начала выучила. Что головой качаешь? Ты как Катерина. Вот и с ней бывало на этот счет не поговоришь. Не гневи судьбу, Мара, будь ближе к Богу. А что, то из библиотеки брала, пустое. Честное слово, не стоило и времени тратить.

– Бабуля, ну о чем ты говоришь! Тогда и в школу незачем ходить. Учить Закон Божий и ничего больше.

– Научкам сейчас все учатся, – спокойно ответила бабушка. – Время сейчас такое. Но ты вырастешь, замуж выйдешь, обзаведешься детишками – до учебы ли тебе будет, а? Бабий век у плиты да у колыбели.

– Совсем устарелые у тебя взгляды, ба! И библиотеку нужно поскорее снова открыть! Мы и так живем здесь, многого не знаем, не видим. В городе другая жизнь.

– Что тебе до города?

– А то, что нужно к чему-то стремиться, понимаешь? Мне нужны книги, мне нужно еще многое узнать, чтобы стать кем-то, чтобы уметь что-то делать лучше других. Не хочу быть белой вороной, неумейкой, у которой слов для разговора всегда не хватает, – и, заметив, как

бабушка прячет улыбку, Мара нахмурилась. – Ты что?

– Не быть тебе белой вороной, внучка, – хитро сощурившись, ответила старушка. – С твоими-то волосами не быть белой вороной, только не белой.

– Да я ведь в каком смысле говорю – в переносном! Ты совсем не хочешь меня слышать! – возмутилась Мара. Ей казалось верхом равнодушия и непонимания такое отношение к случившемуся. Теперь нет Пушкина, нет «Руслана и Людмилы», нет Асадова, Гайдара, нет сказок братьев Grimm, которые Мара любила время от времени перечитывать. Да разве всех перечислить... Бабушка не понимает, как пусто и тяжело без этих красивых, западающих в душу рифмованных строчек, интригующих рассказов, романов. Мара не понимала, как можно лишить столько людей такого удовольствия, и винила себя только в том, что читала недостаточно быстро.

Потом перестал работать дом культуры. На двери появилось объявление, из которого было ясно, что все мероприятия в том числе, показ новых кинофильмов, прекращены на неопределенный срок. Еще одно огорчение. Мара любила ходить в большой зрительный зал и с замиранием сердца следить, как на экране происходит чудо. Это была совсем другая, непостижимая и манящая жизнь, так отличавшаяся от всего, что происходило в их маленьком поселке. Значит, и с этим развлечением можно распрощаться. Все проходили мимо двухэтажного здания, на первом этаже которого поначалу дежурили сторожа, а потом появился замок, заколотили досками окна. Жуткая картина. Бабушка и та возмутилась:

– Вот окайнные, что сотворили. Глянешь на окна те, так на душе кошки скребут!

Мара не до конца понимала, что именно возмущает бабушку, но была благодарна ей за то, что она по-своему разделяет ее недовольство происшедшим. Прошло немного времени, и стало ясно, что о былой, пусть не самой бурной, но все же хоть как-то заполненной жизни можно забыть. С дверей библиотеки сорвали замок, оставшиеся книги разворовали. Теперь их использовали совсем не для того, для чего они когда-то были написаны: ими растапливали печи, о том, чтобы получить за них хоть какую-то копейку, никому и в голову не приходило: до книг ли, когда в животе ураган завывает, пустота. Огород кормит кое-как, да ведь на одних овощах далеко не уедешь. Скотину постепенно извели, птицу – тоже. Кормить стало нечем, а потому пришлось ей самой стать едой для своих обнищавших хозяев. Хозяйства постепенно превращались в прохудившиеся домики, запущенные дворы. Не осталось ни сил, ни желания приводить в порядок зарастающие бурьянами дорожки, чинить едва держащиеся на петлях двери. Единственным желанием, набравшим обороты, было стремление выжить. Упрямое желание продлить даже такое практически не имеющее смысла существование.

Машина с хлебом стала приезжать в небольшой, обветшавший магазинчик один-два раза в месяц. Непонятно откуда люди узнавали об этом событии и ночью выстраивались в очереди, записывая химическим карандашом номера на ладонях. Еще реже привозили ржавую селедку, просроченные консервы. Однажды привезли газеты – незадачливого продавца едва не убила разъяренная толпа. Людям была нужна еда, кусок хлеба, а до того, что творится на большой земле, как здесь с некоторых пор называли районный и областной центр, им уже не было дела, как не было дела живущим на большой земле до этих опустившихся, измученных людей.

Люди боялись оглядываться в недавнее прошлое. Туда, где процветала птицефабрика – главная достопримечательность и источник доходов местного населения, где была и хорошая школа, и дом культуры, и детский сад, и сносный магазин со стандартным набором

продуктов и бытовых мелочей. Старались забыть о том, что была и библиотека с широким ассортиментом литературы, которую улыбочивая библиотекарьша рекомендовала своим читателям, давно изучив их вкусы. В наступившие лишённые здравого смысла времена птицефабрику вдруг посчитали убыточным хозяйством, работы в поселке не стало. Все взрослое население оказалось перед фактом вынужденного безделья. Найти работу даже в ближайшем райцентре было делом не из легких. На что жить? — теперь это был самый злободневный вопрос, ответа на который большинство так и не могло найти. Ко всему добавлялись чисто бытовые неудобства, постепенно тянувшие жителей поселка не к прогрессу, а в век пещерный. Свет часто и надолго отключали, словно и не нужен он здесь никому. Летом еще куда ни шло, а вот зимой только свечи и спасали, да и за ними нужно было ехать в город, а на это не у всех были силы и средства. Благо, воду по старинке брали из колодцев, а то бы и без воды, пожалуй, остались.

Постепенно все, кто не хотели заурядной судьбы человека-выживающего, уезжали в город. Там была хоть какая-то надежда устроиться, а значит, заработать хотя бы на кусок хлеба. Сначала на них навешивали ярлыки предателей, крыс, бегущих с терпящего бедствие корабля. Тут помогать надо, а они уезжают, трудностей испугались, слабаки! Это еще жила вера в то, что все переменится к лучшему. Не угасала надежда, что наступит конец безобразию и несправедливой нищете, в которой все погрязли не по своей воле и так желали вырваться. Но время шло, а птицефабрику никто возрождать не собирался, единственный магазин не открывался. С каждым годом детей в поселке становилось все меньше. Культурная жизнь сводилась к разговорам на улицах, коротким приветствиям. Озлобились люди, потеряли всякий интерес друг к другу, даже родственники практически не общались. О чем говорить-то? Все настолько серо, настолько безрадостно, что лишний раз не охота и рот раскрывать. Одно и то же. Мужики постепенно поспивались, женщины состарились раньше времени. Старики смирились со своей участью. Сгорбленные, немощные, они оказались заложниками этой беспросветности, надеясь на то, что хоть дети их найдут свое место в жизни, уехав отсюда. Поселковую молодежь так вообще по пальцам сосчитать можно было. Не всем, кто покинул родные места, повезло на новом месте, однако из тех, кто уехал, не вернулся никто. Слухи об успехах и неудачах уехавших каким-то непостижимым образом то и дело доходили до местных всезнаек. Сначала они без особого энтузиазма, но обсуждались, с некоторым оттенком злорадства, а вскоре забывались. Уже и судачить о ком бы то ни было не стало смысла. Поселок постепенно превращался в место доживания дряхлых старушек, забытых Богом и детьми стариков и пропойц, неизвестно как всегда находивших способ изрядно промочить горло.

Взросление Мары пришлось именно на этот период разрушения. Какое-то время она не понимала серьезности и безысходности происходящего. Она видела, что на столе все реже появляется что-то кроме картошки, овощей, жаренки на сале, от которой только горечь во рту. Одежда у девочки совсем обносилась, но она стойко переносила и эти лишения. Просто потому, что видела, как нелегко приходится бабушке и маме не плакаться, держаться хотя бы на этом уровне. Было бы нечестно жаловаться, когда все вокруг переживали те же проблемы, так же страдали. Мара была готова трудиться, чтобы как-то помочь своей семье, но в поселке не было работы и для взрослых. Что уж тут говорить о подростках. Стараясь видеть хоть что-то хорошее в том, что происходило, Мара не унывала. Она была счастлива, когда мама, уходя на работу, ласково гладила ее по волосам. Перехватывая ее сухую ладонь, Мара припадала к ней губами.

– Сердечная ты моя, – целовала ее Катерина. – Вот посмотрю с утра в твои сияющие глаза, и на целый день словно добрым светом заряжаюсь, радостнее на сердце делается. Спасибо тебе, солнце мое.

Мара была готова летать, услышав такие слова. Она не будет грустить, просто потому, что ее близким важно видеть ее неунывающей, энергичной, верящей только в хорошее. Девочке казалось, что только так можно выжить. Она была полна радужных планов на будущее. Они помогали ей не впадать в хандру, поддерживать надежду на нормальную жизнь, в которой снова будут книги, смех, светлые лица близких. Ведь не может случиться иначе. Для чего-то же она появилась на свет. И конечно не для того, чтобы прозябать, носить обветшалую одежду и постоянно бороться с голодом, попросту забывая о существовании еды, иначе становилось совершенно невыносимо. Мара научилась пребывать в хорошем расположении духа, несмотря на лишения, которые выпадали на ее долю. Однако, как оказалось, трудности и потери были у нее еще впереди.

Первым по-настоящему тяжелым испытанием для девочки стала смерть бабушки. На фоне этой потери такими пустяками выглядели поношенная одежда, скудные обеды, состряпанные матерью на скорую руку, закрытая, кажется навсегда библиотека и ненавистные рыжие волосы. Проплакав целый день, девочка едва перенесла похороны. Бабушку любили все, потому людей, пожелавших проститься с ней, пришло очень много. Они едва передвигались по небольшому, ставшему тесным дому. Глухой шепот казался Маре зловещим шипением. Она с несвойственной ей ненавистью смотрела на всех этих дряхлых стариков и старушек: они были живы, а вот ее любимой, самой лучшей на свете бабушки больше нет. Мара знала, что никогда не забудет, как ее плохо сколоченный гроб опустили в глубокую яму и принялись засыпать землей. Эти звуки будут еще долго стоять в ушах Мары, а еще – плач матери. Никогда она не плакала при детях. Как бы ни было тяжело, но Катерина всегда держалась. Слезы доставались подушке, ей приходилось молча и преданно принимать всю горечь, тоску молодой женщины. Но для Мары заплаканное, постаревшее, отрешенное лицо матери было откровением. Стараясь успокоить ее, девочка обнимала сотрясающиеся от беззвучных слез плечи. Но Катерине это проявление участия словно мешало, легонько подернув плечами, она дала понять, что ей не нужны эти прикосновения. Мара была удивлена, но не подумала обижаться. Теперь она знала, что такое горе, наблюдая, как оно делает человека другим, совсем другим, и часто этому другому больше ничего не нужно от жизни. Не нужна любовь, не нужна радость, не нужно есть и пить, не нужно откликаться, когда к тебе обращаются. Человек уходит в себя, замыкается и одному Богу известно, как скоро он оправится от горя и снова станет прежним, хотя бы внешне...

Маленький дом без бабушки стал просторным, в нем не хватало негромкого шлепанья ее старых тапочек, песен, которые она так любила напевать, занимаясь делами. Комната, где она спала и проводила совсем немного свободного времени, теперь была закрыта. Заходила туда только Мара. У нее хватало силы воли не начинать плакать при виде аккуратно застеленной кровати с тремя большими подушками, накрытыми кружевным покрывальцем ручной работы. Многое здесь было сделано самой хозяйкой: салфетки, занавески, вышитые полотенца в красном углу под образами. Мара с любовью оглядывала опустевшее жилище и, как это всегда делала бабушка, подходила к иконам. Пристально глядя в глаза Николаю Чудотворцу, Матери Божьей и ее многострадальному сыну, девочка тихо, горячо молилась, прося Боженьку взять бабушку в рай. Мара делала это неумело, подбирая слова, далекие от канонических текстов, но просила от души, прижимая руки к колотящемуся от волнения

сердцу. Мара не знала, что решит Бог, которого так почитала бабушка, но была уверена, что он ее услышал и обязательно обратит внимание. Так говорила бабушка: «Проси и будешь услышана, покайся с открытым сердцем и будешь прощена». Мара просила, вытирала набегающие слезы и снова просила спокойной, сытой жизни для бабушки хоть на небе. Все просьбы только для нее, так настрадавшейся и натрудившейся здесь на земле. Еще Мара умоляла Всевышнего дать возможность хотя бы в снах встречаться с человеком, так много значившим для нее. Мара боялась, что пройдет время, и она забудет бабушкины черты, как она забыла своего отца. Это казалось страшным, несправедливым. Мара просила душевного покоя для младшего брата, не до конца понимавшего происшедшее, для матери, которая никак не могла прийти в себя после потери. После каждого такого общения с Богом Мара выходила из бабушкиной комнаты, ощущая умиротворение. Она закрывала дверь, до последнего момента вглядываясь в лик Сына Божьего, сурово смотревшего ей вслед с иконы. Всегда в его взгляде Мара читала понимание, она была уверена, что ее слова услышаны, но для нее не будет сделано исключения, никаких поблажек.

Смерть бабушки была только началом широкой черной полосы для семьи Мары. Вскоре у матери, как и у большинства жителей небольшого поселка, не стало работы. Катерина была одной из немногих, кого уволили в числе последних. Из разговоров взрослых девочка поняла, что на птицефабрике больше делать нечего. Потеря работы единственной кормилицей для всей семьи Мары была катастрофой, последствия которой очень скоро стали очевидными. Лето шло на убыль, все, что дал огород, было опущено в погреб в виде скромных заготовок. Матери приходилось разрываться между работой и огородом, потому не все, на что надеялись, получилось собрать вовремя. Ко всему, кто-то «помог» им собрать урожай картошки, свеклы, моркови, вырубил недозрелую капусту. Катерина только охнула и медленно села на землю, увидев однажды утром, насколько опустели их грядки. Не сказав ни слова, она с Марой убрала остатки. Девочка видела, что еще никогда их погреб не был настолько пустым. Их ждала голодная зима. Скудное пропитание свелось к постным супам, отварному гороху, ячменной сечке. Все более-менее калорийное безоговорочно отдавалось маленькому Мише. Он и без того рос слабым, болезненным, а теперь Катерина все чаще останавливала на нем испуганный взгляд. Мара перехватывала его и, как всегда, стараясь поддержать маму, обнимала ее худые, ссутулившиеся плечи:

– Не волнуйся, мам, мы что-нибудь придумаем.

Однако теперь Мара не видела, как в ответ вспыхивают ярким светом помутневшие глаза матери. Катерина молча бросала на дочь недоуменный взгляд, как будто пыталась удостовериться, что девочка в своем уме. Маре становилось не по себе от этого пронизывающего, полного непонимания взгляда. Но девочка старалась долго не раздумывать над всем этим. Она знала, что не стоит тратить время на то, что нельзя исправить. Она недавно приняла для себя такое правило и несколько раз уже имела случай убедиться в том, что оно срабатывает. Мара научилась быть собранной, обращать внимание на главное, не размениваться на мелочи. Она действительно повзрослела гораздо быстрее, чем предусматривалось природой. Жизнь без спросу вносила свои коррективы. Но Мара была уверена, что готова к любым нагрузкам, потому что выхода другого не было. Единственной целью каждого дня с некоторых пор было найти еду и продержаться до следующего. Стоило ли в этих условиях мечтать о чем-то возвышенном? Большинство не забивали себе голову несбыточным, а Мара витала в своих недетских фантазиях на тему благополучия. Только эти мысли и помогали ей коротать время, когда она оставалась дома с младшим братом, а мать

уходила куда-то на целый день, возвращаясь со скудным ужином чаще в виде нескольких картошин, к которым, как деликатес, иногда прибавлялся плавленый сырок, кусочек сала, селедки.

Этой же осенью Мара перестала ходить в школу. Седьмой класс оказался для нее последним. На желании Мары учиться был поставлен крест. Девочка знала, что все к тому идет. Она была готова к безрадостным переменам. Продолжать учебу стало невозможным: не в чем и не с чем было пойти, да и от голода Мара часто была на грани обморока. То, что давали добрые люди, жалея голодного ребенка, она приносила домой младшему брату. Миша рос и без того болезненным, поэтому Мара старалась подкормить, поддержать его. У нее самой все чаще тупо и давяще болела голова, ее тошнило, тело становилось словно ватным, непослушным, но в сложившейся ситуации ни она, ни мать не придавали этому никакого значения. Да Мара и не всегда жаловалась, только когда становилось совсем невыносимо. Она упрямо брала в руки спицы и вязала ненавистные рукавицы, носки, перчатки, как учила ее бабушка. Она учила для радости, а оказалось, что это станет хоть каким-то источником дохода. Время от времени в сезон матери удавалось за копейки продать работу Мары в городе. Приходилось предлагать вязаные вещи на вокзале, рискуя лишиться и этого скудного заработка, потому что, как оказалось, и в городе бедствующих хватало с лихвой. Все они поделили каждый метр вокзальной и привокзальной площади, жестоко расправляясь с теми, кто пытался заработать на их территории. Катерина несколько раз чуть было не оказалась жертвой одной из таких разборок. Однажды она чудом избежала расправы. После этого мать возвратилась домой в состоянии, близком к потере рассудка. Какое-то время она ни с кем не разговаривала, не садилась за стол, приготовив ужин. Она мельком бросала взгляд на сына, дочь, уходила в бывшую бабушкину комнату, закрывалась и тихо плакала, уткнувшись в подушку. Если сразу после смерти матери Катерина не могла переступить порог этой маленькой комнатухи, то теперь только здесь находила успокоение. Мара прикладывала ухо к двери и слышала ее горькие всхлипывания и причитания. Сердце девочки разрывалось от жалости, руки сжимались в кулаки. Как она хотела помочь матери выбраться из этой нищеты, беспросветного существования. Как она хотела вернуть времена, когда у матери на лице играла озорная улыбка. Мара делала что могла, но с каждым днем понимала, что этого мало, ее усилия ни на что не могут повлиять.

— Мам, не плачь, — она дожидалась, когда Катерина с заплаканным, опухшим лицом входила из своего убежища. — Слезы не помогут, ты и сама знаешь. Не может быть такого, чтобы всегда было плохо.

— Да, — горькая складка залегла в уголках рта молодой женщины. — Всегда плохо не будет, потому что скоро станет еще хуже... Это было последнее лето детства, Мара. О школе забудь. Не до книг нам. Тебе придется помогать мне. Я одна не справлюсь, ты же видишь... Мише тоже не нужно об учебе думать. Он такой слабый, куда ему... работать нужно, всем работать. Другого выхода нет, если мы хотим выжить, просто выжить, — в голубых глазах матери снова стояли слезы. Теперь она не считала нужным скрывать их. Она впадала в состояние абсолютного игнорирования происходящего вокруг: она не слышала слов Мары, плача Миши. Ее опрокинутое внутрь себя постаревшее лицо не допускало никакого общения. Она словно глубоко задумывалась о чем-то, и эти думы уносили ее далеко от ветхого дома со сквозняками, серыми окнами, плохо вымытым полом, полупустым погребом. А потом неожиданно возвращалась обратно, удивленно смотрела на испуганного сынишку и озабоченную дочь. Глаза ее грустнели, в них теперь была безысходность и тоска.

– Прорвемся, мам, – обнимала ее Мара. Она прижималась к матери, желая ощутить нежное прикосновение ее шершавых рук. Но та спешила отстраниться и прятала глаза.

Мара действительно верила, что настанут лучшие времена. Но все происходящее вокруг доказывало обратное. Перемены происходили, только в сторону ухудшения. Каждый день приближал тупик, из которого не каждому было суждено найти выход. К зиме школу, как и детский сад, закрыли: учителей, желавших работать за гроши, не стало, все воспитатели перебрались в город. До ближайшей школы теперь нужно было добираться автобусом, который последнее время не придерживался никакого графика. Теперь даже при наличии возможностей учиться идти было некуда. Очередные замки повешены, объявления написаны. И в каждой строчке нет ответа ни на один вопрос, напротив, только новые возникают. Разрушение продолжалось. В поселке не осталось места красоте, ничему, что существует просто для того, чтобы радовать глаз. Да люди уже и разучились делать это. Их покидала надежда...

Однако семью Ленских ждало еще одно испытание. Однажды, когда матери, как обычно не было дома, Миша пожаловался на боль в животе. Мара заварила ему мяты, уложила в кровать, но мальчику становилось все хуже. Местная больница тоже давно была закрыта. Оставалось ждать приезда врача из райцентра. Долго пришлось Маре дозваниваться до «скорой» по соседскому телефону. Наконец, девочка услышала ровный, бесстрастный голос диспетчера. Вопросы, на которые Маре пришлось отвечать, разозлили ее:

– Приезжайте побыстрее! – кричала она в трубку. – Потом на месте во всем разберетесь! Приезжайте, ради всего святого, скорее, скорее!

Соседка, тетя Глаша, добродушная, пожилая женщина, на глазах которой выросла Мара, видя, что та едва владеет собой от страха, быстро оделась и пошла с ней, дожидаться приезда врача. Мара собрала в кулак всю свою волю, в страхе наблюдая за тем, как корчится от боли маленький брат. Соседка снова побежала к себе за какими-то лекарствами, оставив Мару наедине с Мишей. Плача от бессилия, она прижимала его к себе, брала на руки, шептала на ухо ласковые слова. Она вкладывала в них всю свою любовь к этому худенькому, истощенному, смышленому мальчику, благодаря которому в этом доме звучал детский смех.

– Солнышко мое, потерпи, – Мара целовала Мишу в лоб, щеки, чувствуя нарастающий жар. Брат начал бредить. Он то приходил в сознание и тогда тихо скулил от боли, то умолкал, впадая в беспамятство.

Миша умер на руках Мары, так и не дождавшись машины «скорой помощи», которая все-таки приехала к нему. Так получилось, что вместе с врачами порог дома переступила вернувшаяся Катерина. Расталкивая людей в белых халатах, она выронила из рук пакет с продуктами и вбежала в комнату, где на кровати в неестественной позе лежало безжизненное тело ее сына. Оттолкнув Мару, она упала перед ним на колени, целуя свесившуюся тонкую ручку. Потом она страшно закричала и начала трясти Мишу, пытаясь посадить, но у нее ничего не получалось. Голова Миши безвольно болталась так, что подбородок касался груди. Врачу едва удалось оторвать руки матери от сына. Медсестра быстро сделала ей укол, после которого Катерина перестала кричать и замолчала. Еще через несколько минут, задав Маре вопросы, доктор объяснил, что это, скорее всего, перитонит. Мишу вряд ли бы довезли до больницы живым – слишком ослабленный организм. Врачебный термин прозвучал для убитой горем матери приговором. Она поднялась и застыла, не сводя глаз с Миши. Мара подошла, обняла ее, не вытирая потоки слез. Девочка не понимала, как можно перенести такое горе. Страдания маленького брата, которые она ничем не могла облегчить, навсегда

останутся в ее памяти. Неужели можно прожить долгие годы с таким прошлым? И будет ли в будущем хоть немного счастья, покоя? Мара обнимала мать, не понимая, чего хочет больше: успокоить ее или себя. Катерина снова резко отвела руки дочери и посмотрела на нее таким взглядом, словно давно и открыто ненавидела ее. Мара отпрянула. Она уже видела однажды этот взгляд. Это было после смерти бабушки. Тогда Мара сказала себе, что должна понять горе матери, дать ей прийти в себя. Почему она снова забывала, что и для Мары смерть Миши – это очередная потеря? Почему она не помогает ей пережить горе? Ведь вместе всегда легче, так всегда было и будет.

– Мама, мамочка! – Мара протянула к ней руки, снова пытаясь стать ближе в эту трудную минуту, но Катерина покачала головой, сделала отрицательный жест. Она снова бросила на дочь взгляд, в котором явственно читалось, что она бы с удовольствием увидела на месте Миши ее, Мару.

– Оставь меня, уйди с глаз, – глухо сказала Катерина. Это был чужой голос, жестокие слова. Мара заплакала еще горше, потому что таким несправедливым казалось ей то, что происходило. Отвернувшись к стене, Мара плакала, и утешала ее соседка тетя Глаша, которая подошла и прижала девочку к себе. И тут Катерина указала на дочь пальцем и властно сказала: – Отойди от этой рыжеволосой ведьмы, Глафира. Все, к кому она прикасается, умирают, один за другим. Я следующая...

– Побойся Бога, Катя! Что ты такое говоришь?! – соседка перекрестилась.

– Знаю, что говорю... И тебе, Глафира Петровна, достанется от нее, вспомнишь мои слова.

Врач и медсестра недоуменно переглянулись.

– Это горе, горе говорит за нее, – отвечая на их безмолвный вопрос, тихо сказала тетя Глаша.

Катерина тоже слышала эти слова и усмехнулась. Она попыталась сделать шаг, хотела снова подойти к кровати, но ноги не слушались ее. Мара подбежала, подхватила ее под руку, сдерживая подступающие слезы. Соседка поднесла Катерине стакан с водой, медсестра пыталась усадить ее на стул. Катерина молча села. Врач развел руками, добавив, что более точно причину смерти мальчика может установить только вскрытие.

– Что? – Катерина неожиданно вскочила и подбежала к кровати, где лежал Миша. Откуда и силы взялись. В ее обезумевших от горя глазах горел недобрый огонь. – Не дам! Незачем копать во внутренностях моего сына. Этим его уже никто не воскресит. Уходите все! Оставьте меня с ним...

Медики ушли первыми, за ними – соседка. Мара осталась стоять, думая, что сказанное Катериной ее не касается.

– А ты что стоишь? Особое приглашение нужно? – зыркнула на нее мать. Поправляя волосы Мише, она закусила дрожащие губы. – Уходи.

– Куда?

– Куда хочешь, только чтоб я тебя не видела.

– Мамочка, за что? Я ведь не виновата, я ни в чем не виновата! – Мара закрыла ладонями лицо.

– Уйди от греха, Мара! – Катерина накрыла сына одеялом, подоткнула со всех сторон, словно боясь, как бы ему не было холодно в их сыром, плохо отапливаемом доме. Легла рядом, обняла. – Уйди и на похороны не приходи, запрещаю. Похороню Мишу – уеду в город. Когда приеду – не знаю, вот уеду, тогда и возвращайся в дом. А сейчас не смей стоять здесь и

слезы лить! Пошла вон!

Мара выскочила из дома в чем была. Приютила ее, конечно, тетя Глаша. Она ни о чем не спрашивала, переодела Мару, напоила горячим чаем и уложила в постель. Проснувшись утром, Мара долго не могла поверить, что все произошедшее правда.

– Ты зла на мать не держи, – тетя Глаша села на край кровати и гладила Мару по руке. – Она не в себе от горя. Такое пережить...

По мере того как отступал сон, девочке становилось страшно: как теперь жить? Неужели никогда больше не будет ничего светлого. Откуда? И надежды не осталось. К тому же после похорон Миши в дом Ленских пришла еще одна беда – Катерина начала пить. Она, как обещала, уехала на несколько дней из поселка, и где была никто не знал. Мара с тревогой ждала ее дома, а однажды пришел какой-то подвыпивший мужичок и сказал, где искать мать. Мара нашла ее на могиле брата, в полном беспмятстве, а рядом лежала пустая бутылка из-под какого-то пойла. Где она его доставала, для Мары оставалось загадкой. За какие деньги получала, если и на кусок хлеба часто не было и копейки? Так происходило изо дня в день. Когда мать приходила в себя, Мара пыталась с ней говорить, убеждать, что так нельзя. Что так у них только прибавится проблем, но в ответ получала в лучшем случае молчание, а чаще:

– Мала еще мать учить. Проживи с мое, получи то, что я получила, тогда и разговаривать будем! – В голосе Катерины было столько злобы, что Мара перестала делать попытки наставлять ее на путь истинный. – Мне тридцать пять, а уже троих похоронила: мужа, мать, сына. Никогда не думала, что так все сложится.

– Я люблю тебя, мам, – Мара не держала на нее зла за то, что не слышала от матери последнее время доброго слова.

– Брось, Мара! – В голосе снова зазвучали стальные нотки, неприкрытое раздражение. – Зачем мне твоя любовь? Что мне с ней делать?

Мара не знала, что ответить. То, что вертелось на языке, все равно ничего не могло исправить, и потому Мара молча принимала одну грубость за другой. Она уже перестала верить в то, что отношение матери к ней когда-нибудь изменится к лучшему. Любила ли она вообще свою дочь, если может теперь вот так обращаться с ней? Мара вглядывалась в постаревшее, почерневшее от горя лицо Катерины, пытаясь найти в нем хоть малейший намек на мучившие ее вопросы. Тщетно... А Катерина вскоре зачастила уезжать в город, едва дожидаясь первого автобуса. Она быстро одевалась еще затемно и, громко хлопнув входной дверью, выходила во двор. Она знала, что Мара будет стоять у окна и смотреть ей вслед, но не оглядывалась. Ненависть, проснувшаяся в ней к дочери, росла с каждым днем, а потому видеть лишний раз ее лицо, рыжие волосы не было желания. И вообще этот дом, этот опостылевший поселок – пусть все горит огнем. Почему она должна снова и снова приезжать туда, где осталось ее разбитое горем сердце?

Возвращалась Катерина через день, а то и через несколько дней. Мара совсем издергалась, не представляя, где она пропадает все это время. Появлялась мать неожиданно, вваливаясь в дом растрепанная, грязная, пьяная. Мара подхватывала ее, едва стоящую на ногах, укладывала в постель, снимала одежду, обувь, а потом подолгу сидела рядом, со страхом вслушиваясь в ее неровное дыхание. Это был то храп, то тихое посапывание, то вдруг полная тишина. Тогда Мара прислушивалась и улавливала едва слышные вдохи и выдохи. Она так боялась, что когда-нибудь мать не проснется после очередной пьянки. Даже такой, грязной, грубой, едва ворочающей языком, она была нужна Маре. Единственный

родной человек, оставшийся у нее на этом свете. Хотелось верить, что мать одумается и перестанет опускаться. Но время шло, пролетело два года, а Катерина дошла и вовсе до крайностей. Она не являлась домой неделями, а потом возвращалась и выгоняла Мару на улицу среди ночи. Дочь по-прежнему вызывала у нее раздражение, а когда та пыталась уложить ее в кровать и напоить горячим травяным чаем, резко отбрасывала руку с чашкой.

– Отстань от меня со своей бурдой. Водки налей – выпью! Ишь, смотрит как, – Катерина наступала, а Мара пятилась к дверям. – Что-о, осуждаешь?! Вон, пошла вон. Не могу тебя видеть, рыжая паскуда, вон!

Ее пьяные крики будили соседей. Так случалось уже не раз и не два. Тетя Глаша снова и снова забирала Мару к себе, а утром Катерина, нахмутив брови, настойчиво стучала в двери соседки.

– Чего шумишь-то? – Глафира Андреевна мерила Катерину осуждающим взглядом.

– Мара у тебя?

– У меня.

– Пусть домой идет, – глухо говорила Катерина и, не дожидаясь ответа, шла к себе.

– Что она там не видела и чего еще не слышала? – кричала ей вслед тетя Глаша. – Зачем она тебе в такую рань?

– Моя дочь, говорю, что домой пора!

– Иди поешь, потом пойдешь, – собирая на стол, обычно говорила Маре сердобольная соседка. Ей было тяжело видеть, как слезы то и дело наворачиваются на глаза Мары. – Переезжай ко мне насовсем. Как-нибудь проживем. У меня корова, а это сейчас большое дело. Да и сколько нам надо, как-нибудь протянем.

– Спасибо, только не могу я камнем на вашей шее повиснуть, и так столько раз вы меня выручали, – качала головой Мара, потуже переплетая тяжелую косу.

– Пустое говоришь, не о том. Главное, как тебе жить-то дальше? Вот беда. Не кончится все это добром. Бедная девочка, и что тебе делать?

– Ничего, тетя Глаша, – запивая горячим чаем хлеб с медом, отвечала Мара, хотя на душе у нее с каждым днем становилось все хуже, все темнее, все безнадежнее. Стараясь не подавать вида, Мара едва выдерживала жизнь, которая настала после смерти брата. – Есть люди, которым еще хуже приходится.

– И в городе у тебя родни нет?

– Нет, никого нет. Остались мы с мамой.

– Знаешь, я все чаще думаю, что уехать тебе нужно отсюда.

– Куда?

– В город. Да не в ближайший райцентр, а подальше. Там точно найдешь хоть какую-то работу. Работы ты, я вижу, не боишься. Тебе лет-то сколько? – спросила тетя Глаша.

– Шестнадцать, в марте вот семнадцать будет.

– Дите-дитем, а что делать? Ты не белоручка, авосьстроишься. Здесь тебе мать жизни не даст, да и впереди ничего, совсем ничего. Голод, холод, пьяные мужики поселковые. Оно, конечно, и в городе, своего дерьма хватает, так ты уж присматривайся-то к людям. Да и с мужским братом поосторожнее, чтобы не обманул кто. Никому не верь, Мара, только себе.

– Вы так говорите, тетя Глаша, будто я с узелком в руках стою и собираюсь на последний поезд.

– А ты подумай над моими словами, девочка. Уезжай, послушай меня. Здесь нечего тебе

ждать, нечего...

– А как же мама? – Мара считала, что бросать ее такую – предательство. Кому она нужна такая. Вот уже местные алкоголики так и подстерегают ее, все норовят отобрать то, что очень изредка несет она домой после возвращения из города. Уже несколько раз Мара отбивала ее у этих пьяных, вонючих, едва стоящих на ногах мужиков. А когда-нибудь попросту упадет мать спьяну у крыльца и зашибется насмерть или замерзнет, если зима.

– О себе тебе надобно подумать, девочка, – настойчиво твердила тетя Глаша. – Катерина свою дорогу выбрала. Ты ей не указ, как я посмотрю. Она ведь ради тебя не собирается снова стать прежней?

– Думаете, я ее не просила? – обиженно заметила Мара. – Сколько раз, да она и слушать ничего не хочет.

– Знаю, что просила, оттого и говорю – уезжай.

– Кому я там нужна? – поднимаясь из-за стола, сказала Мара, но про себя решила, что в словах соседки есть доля здравого смысла. Уж и вовсе ни во что превратиться в поселке можно. Того и гляди, попытаешься найти успокоение на дне бутылки, как мама, как все те, кто давно отчаялся, не найдя в себе сил дальше бороться. Нет, ей так нельзя. Не для того она на свет появилась, даже со своими веснушками и рыжими патлами. Она выберется из всего этого, а потом вернется и заберет маму. Говорят, в городе от всего лечат, и от пьянки тоже. Нужно только начать действовать, а не ждать. Ждать больше нечего. Мара подняла синие, влажные от слез благодарности глаза на тетю Глашу. – Спасибо вам за все, век не забуду.

– погоди, – соседка вышла из комнаты и вскоре вернулась, держа в руках деньги. – Возьми, пригодятся, небось. Сумма небольшая по нынешним временам, но не обессудь.

– Что вы? – Мара попятилась.

– Бери, говорю. Бери, не отказывай, сделай милость.

– Тетя Глаша, как же мне отблагодарить-то вас за все? – Голос Мары дрожал.

– Уезжай поскорей – вот и вся благодарность, а я буду молиться, чтобы у тебя все получилось, как надо. Ты, золотко, другой жизни достойна, – всхлипнула та. – Уезжай и устрой там жизнь прекрасную и счастливую, всем на удивление. От души тебе этого желаю! – Тетя Глаша прижала руку к груди, глубоко вздохнула. Она вдруг представила, что видит Мару в последний раз.

Мара кивнула головой. Стремительно подойдя, Мара крепко обняла тетю Глашу, несколько раз поцеловала ее в щеки, лоб и быстро выбежала из комнаты. Она не видела, как женщина сложила пальцы щепотью и три раза перекрестила ее, глядя вслед глазами, полными слез. Это были слезы радости. Глафира знала, что девочка приняла решение, а значит, у нее есть шанс начать другую жизнь.

Раскатистый, зычный храп продолжался, он разбудил и теперь никак не давал Маре уснуть. Это было ее первое путешествие, и раньше она думала, что под стук колес спится крепко. Иногда Мара позволяла себе мечтать, представляя себя летящей на самолете, мчащейся в автомобиле или на крайний случай, едущей в поезде. Ей казалось, что она обязательно получит от поездки незабываемые впечатления, наблюдая, как за окном мелькают неизвестные постройки, леса, случайные прохожие, а потом ничто не потревожит

сон, окруженный романтикой путешествия, пусть не очень дальнего, но все же. Но в реальности получалось иначе. Что делать, если она с детства терпеть не могла, когда кто-то даже негромко посапывал рядом. Когда бабушка еще была жива, Мара любила засыпать у нее в кровати, выдумывая всевозможные поводы, чтобы улечься именно на этом месте. Бабушка легко уступала просьбе внучки и, рассказывая ей на ночь очередную сказку, улыбаясь смотрела, как слипаются веки Мары, как она беспомощно моргает, попадая во власть сна. Но среди ночи девочка обычно просыпалась: бабулин храп напрочь лишал ее желания оставаться здесь, и Мара осторожно перебиралась или в свою кровать, или в кровать матери. Быстро согреваясь рядом с Катериной, Мара сворачивалась калачиком и засыпала. Утром бабушка называла ее лягушкой-путешественницей, а мама посмеивалась:

– Попадется тебе муж-храпун, что делать будешь, красавица?

Мара никогда не снисходила до того, чтобы отвечать на подобную чепуху. Этот вопрос к ней не имел никакого отношения. Во-первых, Мара уже давно, лет в восемь, решила никогда не выходить замуж, а во-вторых – не считала себя красавицей, скорее наоборот. Она изо дня в день видела свое отражение в зеркале, испытывая брезгливость, переходящую в отвращение. Ей казалось, что на ее лице этих уродливых ярко-рыжих пятнышек становится все больше. Мара даже пыталась пересчитать их, как будто это что-то могло изменить. Однако веснушек было слишком много, и она сбивалась со счета, раздраженно отворачивалась от зеркала. На самом деле небольшие, становившиеся заметными весной веснушки ничуть не портили Мару. Они придавали ее лицу особую привлекательность. Девочка еще не понимала, насколько красивой и экотически-притягательной становилась день ото дня. Видя в зеркале свое отражение, Мара недовольно морщилась, даже не предполагая, какую службу сослужит ей ее необычная внешность. Густые рыжие волосы с медным отливом тоже не вызывали у Мары положительных эмоций. С какой завистью смотрела она на девчонок с тощими светлорусыми хвостиками, с бледной кожей, с просвечивающимися тонкими голубыми прожилками. Ну почему одним так везет от рождения, а другим достается столько страданий?! Неужели ей всю жизнь придется носить эти безобразные веснушки, длинные, пышные, яркие космы, за которые ее дразнили рыжей и бесстыжей все, абсолютно все, и взрослые, и дети, все кому не лень? Это несправедливо. И высоченная такая – выше всех своих сверстниц. Быть дылдой тоже дело невеселое. Мара никогда не думала, что все эти на ее взгляд недостатки скоро сослужат ей добрую службу, а пока она страдала, думая, что не заслужила того, чтобы быть такой невезучей.

– Ну зачем мне все это? – ворчала Мара, обращаясь к самой себе, сверкая синющими глазами-блюдцами. – В древности, между прочим, таких сжигали на костре. Их принимали за ведьм! Хотела бы я стать ведьмой и сделать так, чтобы меня никто не замечал. Чтобы никто не прятал усмешку, разглядывая мое лицо, волосы.

У кого-то заветной мечтой была игрушка, ожидание какого-то подарка, а Мара мечтала о мантии-невидимке, которая укрывала бы ее от людских глаз. Ей так надоело выделяться из толпы своей яркой внешностью. Но время шло, и к этой детской просьбе прибавилась совсем иная: Мара согласна была остаться уродиной, только бы мама снова стала прежней – ласковой и доброй. Только бы она перестала превращаться в озлобленное существо, пропитанное запахами алкоголя и немытого тела. Больше не осталось у Мары желаний. Зачем другие, когда все зависит только от того, вернется или не вернется мама из города, когда вернется и в каком состоянии? Это становилось невыносимым. Ожидание очередного скандала, стыд, который разъедал Мару. Она не любила выходить на улицу, потому что

соседи тут же начинали жалеть ее, причитать о злой судьбе, которая обрушилась на девочку. Их жалость не была нужна Маре. Она ведь ничего не могла изменить. Зачем лишний раз напоминать девочке о той жизни, которую она влачит, от которой нечего ожидать чего-то хорошего? Мара замыкалась и последнее время общалась только с тетей Глашей.

Сейчас Мара точно знала, что окончательная потеря надежды на лучшее, падение мамы и убежденность соседки смогли настроить ее на скорый отъезд. Припрятав деньги, которые взяла у тети Глаши, Мара изо дня в день размышляла над тем, когда лучше уехать: скоро весна, совсем скоро. Пройдет ее день рожденья, очередной будничный день, когда она как обычно останется без подарков, а мама обязательно напьется. Так случалось уже не раз, и Мара, по правде, не хотела снова наблюдать эту картину. Чего же ждать? Решив сделать подарок самой себе, Мара наметила отъезд именно на канун своего дня рождения. Долго ли собираться, когда вещей раз-два и обчелся? Расписание поездов Мара знала отлично. Спасибо маме: сколько раз бегала на станцию, встречать проходящие поезда в надежде увидеть ту живой и невредимой. Теперь есть деньги на билет, есть паспорт, есть немного сухарей, которыми ее угощала тетя Глаша, а Мара предусмотрительно припрятала на случай отъезда. Вполне можно срываться с места в любой момент. Матери, кажется, все равно, так что нужно действовать.

И однажды вечером Мара решилась. Поглядывая на движущиеся стрелки часов, она облизала сухие от волнения губы. Время неумолимо идет вперед, а что меняется? Жизнь затягивает ее в бесконечную темноту, безысходность. Катерины снова вот уже три дня не было дома. Никому этот дом, кажется, не был нужен: Мара не находила в нем покоя, мама совершенно не заботилась о его уюте. Какое там! Она вообще ни на что и ни на кого не обращает внимания после смерти Миши. Для нее весь мир теперь на дне бутылки, а все, кто пытается отнять ее – враги, негодяи. Мара больше не ощущает в себе сил быть в их числе. Она первая, кого Катерина обвиняет во всех смертных грехах. Кажется, будет лучше, если она исчезнет из дома вот так – без предупреждения, неожиданно. Словно и не было ее вовсе. Мара закусил губу от обиды – мать даже не заметит ее отсутствия. И от этой мысли на глаза навернулись слезы. Жалость к себе захлестнула Мару, и вскоре сменилась тупой болью. Избавиться от нее можно, только покинув опостылевшие стены. Решение было принято. Небольшой узелок собран. Нет у нее вещей, нет ничего дорогого, что она хотела бы взять с собой. Вспомнив, что бабушка обычно каждое дело начинала с молитвы, Мара решила войти в ее комнату, подойти к образам, обратиться к ним, но в последний момент остановилась перед закрытой дверью. Нет, она не станет молиться. Если есть высшие силы, они все видят, они с ней. И если нет ни единого знака, который бы остановил ее, значит, она не станет тратить время на слова. Нужно действовать.

Под стук колес Мара вспоминала, как, выйдя из дома, спрятала ключ от двери под половиком у порога. Постояла во дворе, оглядывая коричневое месиво с островками грязного снега, в которое превратились дорожки, неухоженный огород. Он, похоже, так и не будет засажен и в этом году. Мара бросила беглый взгляд на повалившийся сарай, сломанный в нескольких местах забор. Открытая калитка противно поскрипывала. Подняв глаза на крышу, где вертелся под потоками ветра деревянный петушок, которого, по словам бабушки, сделал отец, Мара улыбнулась. Казалось, ветер усиливается, а петушок тревожно вращается, словно понимая, что происходит что-то особенное, важное. Еще мгновение – и он громко закричит, прощаясь со своей юной хозяйкой, подгоняя ее. Быстро повернувшись, Мара прошла через двор, закрыла за собой калитку и зашагала прочь. Она ни разу не оглянулась, не желая

больше видеть дом, в котором ей стало так тяжело, невыносимо жить. Не осталось светлых воспоминаний, столько плохого произошло с Марой за последние два года, что оно решительно отодвинуло все светлое, что, без сомнений, было в ее недолгой жизни. Мара ругала себя за то, что позволила дурному настолько взять верх. Оптимистка по натуре, она пыталась выудить из потаенных уголков памяти воспоминания об отце, о тех временах, когда в доме часто звучал смех, песни, когда бабушка заплетала Маре косы, целовала веснушки, когда маленький Миша бегал по дому и везде звучал его смешной лепет. Но как только тепло начинало разливаться по телу, покой и умиротворенность наполняли душу, память старалась как можно подробнее воспроизвести дни похорон бабушки, брата, пьяный оскал матери, ее грубый голос, бранные крики. Все это беспощадно вытесняло доброе и светлое. Мара чувствовала, как сердце ее колотится, сжимается, угрожая перестать повиноваться своей хозяйке. Оно давало понять, что нелегко то и дело возвращаться туда, где столько боли, страданий. И теперь, стоило Маре снова задать себе вопрос: «Как там мама... без меня?», как сердце тут же отозвалось бешеным галопом, а совесть предательски запустила коготки вины в самую душу. Умеет она это делать, но нужно во что бы ни стало заставить ее спрятать когти. Мара закрыла глаза, положила на веки горячие ладони, с силой прижала их. Темноту сменили разноцветные искры – Мара перестаралась, сильно надавив на глаза. Не было боли, только эти цветные огоньки, вспыхивающие, кажется, везде. Пусть пляшут. Лучше наблюдать за ними, отключаясь от противного храпа, забыв о том, что нужно спать, что впереди – чужой город, совершенно чужой. Мара почувствовала под пальцами теплую влагу. Ну, вот. Она снова плачет. Как часто она это делала в последнее время. Посмеиваясь над собой, Мара решила, что с этим нужно бороться, иначе войдет в привычку, и на салфетки и носовые платки уйдет целое состояние. Ей ни к чему такая расточительность.

Сна не было. Мара лежала, стараясь отвлечься от навязчивого храпа. Сделать ей это было трудно. Оставалось снова отдаться в руки безжалостной памяти. Мара вернулась к событиям прошедшего вечера, когда она решительно вышла за пределы поселка. До вокзала нужно было пройти километра два. Посмотрев на свои поношенные сапоги, грязь, в которую ноги вгрузали по самые щиколотки, Мара вздохнула. Пальтишко тоже не слишком спасало от холода, согревал только пуховый платок бабушки, который Мара носила после ее смерти. Потуже завязав его под подбородком, Мара ощутила мягкое прикосновение к шелковистому пуху. Бабушка была мастерица. В ее платках ходило практически все женское население поселка. И хоть Мара и сама умела вязать, до такой работы, по правде, ей еще было далеко.

– Ничего, я научусь, я все смогу, если надо – все! – Мара решительно зашагала по вязкой грязи.

На пути оказались опустевшие, давно заброшенные одноэтажные просторные дома из белого кирпича, в которых когда-то жили цыгане. Постройки выглядели солиднее, чем большинство домов в поселке. Выросли они быстро, когда неожиданно появились новые поселенцы, наведя панику и переполох среди населения поселка. Женщины смотрели на них с опаской, предупреждая детей, чтобы не вздумали даже разговаривать с этой черномазой братией. Однако, несмотря на предупреждения, дети любили тайком прибегать сюда, слушать громкие разговоры, есть печеную картошку, петь душевные песни у костра. Мара тоже не один раз без спроса побывала у гостеприимных, шумных цыган. Но однажды все здесь стихло: табор собрался и покинул обжитое место. Позднее из разговоров взрослых Мара узнала причину столь неожиданного решения: убили цыганского барона. Дома опустели и теперь взирали на окружающих пустыми окнами с битыми стеклами.

[Купить полную версию книги](#)